

C. DREYER. Abenteuer Seidenstrasse. Die Berliner Turfan-Expeditionen 1902–1914. Leipzig: E.A. Seemann, 2015. 271 S., 251 s/w und 79 farb. Abb.

Карен Дрейер – известный специалист по истории археологического изучения Восточного Туркестана. Ее труды всегда основываются не только на архивных материалах, но и на опыте собственных полевых исследований. Рецензируемая книга представляет собой историю работ четырех Берлинских Турфанских экспедиций на одной из ветвей Великого шелкового пути, проходившей через Восточный Туркестан (ныне – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР).

В соответствии с количеством экспедиций книга состоит из четырех глав: «Первая экспедиция. Три берлинца в Турфане и окрестностях. Октябрь 1902 – май 1903», которая занимает почти половину книги, «Вторая экспедиция. Триумф Альберта фон Ле Кока. Ноябрь 1904 – декабрь 1905», «Третья экспедиция. Звездный час Грюнведеля. Декабрь 1905 – май 1907», «Четвертая экспедиция. Прощание с Центральной Азией. Май 1913 – февраль 1914». Каждая из глав состоит из параграфов, посвященных тому или иному городищу, на котором работали немецкие археологи. Каждый параграф представляет собой достаточно подробный отчет о времени работы, особенностях перемещения с одного городища на другое, наиболее интересных находках, контактах с иностранными коллегами (прежде всего российскими). Все разделы богато иллюстрированы (так, иллюстрации занимают большую часть III главы, в которой речь идет о буддийской настенной живописи), т.е. в рамках книжного формата работа К. Дрейер дает весьма полное представление о действующих лицах и их свершениях. Обзор находок в нескольких местах прерывается «вставными» сюжетами – краткими биографиями археологов, выдержками из писем и официальных документов.

Книга открывается введением, в котором очерчивается история подготовительного этапа археологического исследования Восточного Туркестана немецкими археологами, а заканчивается послесловием, где говорится о судьбе находок во время мировых войн, а также о формировании современных экспозиций в берлинском Музее азиатского искусства.

Книга в целом лишена дискуссионного начала, тем не менее вряд ли можно отрицать ее существенный вклад в целый ряд научных дисциплин – историю археологии, востоковедения в целом, центральноазиатского искусства, этнографии. Во всяком случае обозреваемое издание представляет собой, пожалуй, наиболее полную и точную хронику археологического изучения Восточного Туркестана крупнейшей археологической экспедицией, работавшей в регионе. Отрадно, что от внимания автора не ускользнули и материалы на русском языке, в том числе непереуверенные, впервые вводимые в научный оборот.

К. Дрейер отмечает, что интерес к археологическому исследованию Восточного Туркестана в Германии сформировали успехи британских археологов на Ближнем Востоке, а также первые экспедиции в Восточный Туркестан Д.А. Клеменца в 1898 г. и М.А. Стейна в 1900 г. Хотя автор и не пишет об этом прямо, очевидно, что «научная ревность» и желание обладать находками, сравнимыми по значению с теми, которыми обладали музеи Лондона и Парижа, были одним из факторов, стимулировавших интерес к полевым исследованиям в Восточном Туркестане. Экспедиция же Клеменца и стремление российских коллег привлечь к исследованию Восточного Туркестана внимание широкой научной общественности подсказали германским индологам, прежде всего А. Грюнведелю, что изучать историю буддизма можно и нужно не только сидя в уютном кабинете. Наличие спонсоров из среды крупнейших промышленников того времени, активно поддерживавших раскопки на Ближнем Востоке, придало работам немецких археологов в Северо-Западном Китае значительный размах.

В центре истории изучения Восточного Туркестана германскими Турфанскими экспедициями стоит, безусловно, фигура Альберта Грюнведеля. Вполне объяснимо, что в первом разделе книги Дрейер приводит значительные выдержки из полевых дневников Грюнведеля (например, с. 22–24). Некоторые документы Грюнведеля (например, письмо в Главное управление музеев о благополучном прибытии в Турфан – с. 39, Abb. 39, или опись находок из Идикут-шахри – с. 54, Abb. 58) публикуются только в виде фотографий, но почерк его настолько ясен, что не требует транскрипции. Этому исследователю в последнее время уделялось значительное внимание – в архивном собрании РАН обнаружено много документов, в которых он упоминается или автором которых является. Так, сохранились письма Грюнведеля российским исследователям – С.Ф. Ольденбургу,

В.В. Радлову, М.М. Березовскому, сотрудникам российского дипломатического корпуса, например, Н.Ф. Петровскому. Большая часть этих документов опубликована¹. В этой связи представляет интерес характеристика, данная А. Грюнвелелю и его спутникам генеральным российским консулом в Кашгаре Н.Ф. Петровским в пока еще не изданном письме к С.Ф. Ольденбургу от 4 мая 1903 г.:

Был у меня гостем «со товарищи» Грюнве<де>ль, который один прямо поедет, Ош – Красноводск, в Петербург; уезжают они завтра, а жили у меня с неделю. Сам Грюнвелель премиальный немецкий ученый – скромный, детски смеющийся и пр.; но я представлял себе в нем иного: вроде, например, В.П. Васильева², увлекающегося полетом, так сказать, мысли и выводов, но зато и увлекающего. У Грюнвелеля прием как будто какой-то технический, меряет пропорции фигур и изображений и выводит тип – местного и занесенного искусства, словом – не заметил истинного увлечения любимым делом. Может, я и ошибаюсь: мало его видел. Рисует он, судя по его альбому, превосходно. Еще, – но тут уже не его ошибка, а товарищей: представьте себе! все путешествие они сделали без переводчика и, разумеется, ничего не узнали – ни легенд, ни объяснений, ни, кажется, настоящих названий; Грюнвелель только рисовал и делал план. Это просто непростительно, что я им и высказал. Товарищи – Хут (Hut)³ и Бартус⁴ (по паспорту: Arbeiter). Первый называет себя приват-доцентом, состоящим при Музее, занимавшимся санскритом, а теперь *перешедшим, для будущего*, на тюркский язык (которого он совсем пока не знает). Сам он отчаянный еврейчик шахер-махерского свойства. Был некогда в Петербурге король репортеров Шрейер – вот этот тот же тип, и я думаю, что он действительно путешествует для репорта, а смиреннейшего Грюнвелеля обворовывает, т.е. обворовывает у него знания о наших древностях. Он остается месяца на три в Ташкенте, говорит по-русски и желает посетить Памир. Для чего ему туда нужно – не знаю: там киргизы, такие же, как в Фергане, а таджиками он не занимается, да и Залеман, кажется, ознакомился с ними. Третий – как я сказал – Arbeiter. Вот и все, что считал для Вас и барона⁵ нужным⁶.

Следует отметить, что в тех немногих местах, где обычно оценки действиям российских и немецких исследователей даются исходя или из неполных материалов, или из эмоциональных предположений, К. Дрейер сохраняет «нейтралитет». Так, в мае 1906 г. разразился открытый конфликт между российской экспедицией М.М. Березовского и немецкой, руководимой А. Грюнвелелем. Поводом к конфликту послужили нарушение немецкой стороной формальной договоренности о разделе «сфер влияния» в Восточном Туркестане и начало работ в Кизиле, который изначально был отнесен к области работ российских археологов. В литературе уже высказывались разные точки зрения о степени вины обеих сторон⁷. Дрейер при обращении к данному сюжету предпочла максимально осторожную тональность: «...поэтому неясно, что же там произошло» (с. 166). Пожалуй, такая позиция наиболее оправдана, так как известно лишь о существовании устных договоренностей между С.Ф. Ольденбургом и В.В. Радловым с одной стороны и А. Грюнвелелем – с другой. При этом позиции Ольденбурга и Радлова, вероятно, не были согласованы. В одном из писем Грюнвелеля к Радлову

¹ Bukharin 2014; 2015.

² Васильев Василий Павлович (1818–1900) – российский востоковед-синолог, исследователь дальневосточных религий, в частности буддизма; член-корреспондент (1866), действительный член (1886) ПАН, декан восточного факультета СПбУ (1878–1893).

³ Хут Георг (Huth Georg, 1867–1906) – немецкий естествоиспытатель и путешественник; при поддержке ПАН предпринял в 1897 г. путешествие по Сибири с целью изучения тунгусских языков, с 1902 г. сопровождал Грюнвелеля в ходе его экспедиций в Восточный Туркестан.

⁴ Бартус Теодор (Bartus Theodor, 1858–1941) – немецкий мореплаватель, музейный работник. Начиная как мореход, штурман, капитан корабля в Австралии. Во время посещения Германии его банк в Австралии обанкротился. Оставшись без средств к существованию в чужой стране, нанялся рабочим в Этнографический музей в Берлине. В 1902–1914 гг. – участник всех четырех Турфанских экспедиций под руководством А. Грюнвелеля и А. фон Лекока. Бартус разработал методику максимально бережного снятия фресок и надписей со стен пещерных храмов. В дальнейшем работал в Месопотамии и Индии; до конца жизни занимался обработкой новых поступлений в музейные фонды. Характеристику Хута и Бартуса см. в рецензируемой работе К. Дрейер (с. 22–23).

⁵ Барон Розен Виктор Романович (1849–1908) – российский арабист, Управляющий Восточным отделением Императорского Русского Археологического Общества.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 350. Л. 10–11об.

⁷ Подробнее см. Bukharin 2014, 163–183.

(от 22 августа 1904 г.⁸) зафиксирована лишь просьба немецких коллег предоставить им для работы те или иные городища. Так как более точные детали неизвестны, то и давать более определенные оценки рискованно.

При обращении к личности Н.Ф. Петровского (с 1883 г. консула, с 1894 г. генерального консула в Кашгаре и центральной фигуре начального этапа изучения Восточного Туркестана) К. Дрейер не скрывает своих симпатий к нему. Описывая уровень его влияния в регионе приблизительно теми же словами, что и английские историки археологии и дипломатии, она заключает: «Вследствие длительности своего пребывания в должности, напряженности в период, в который он работал, и не в последнюю очередь из-за властности его характера он превратился в легенду» (с. 77). Сравним эту стилистику с подходом британских авторов. Так, Э. Тамм пишет: «Петровский, воинствующий англофоб, был властным, грубым, амбициозным, мелочным и высшей степени эгоистичным. Он стал закулисным правителем Кашгара и вел скрытую войну против британской стороны, прибывшей в 1890 г.»⁹. Эта характеристика (оборот «воинствующий англофоб» стал особенно популярен) повторяется и в других работах современных авторов. Вот как характеризует стиль работы Петровского Фил Карбер: «Петровский управлял Кашгаром как своим поместьем, терроризируя уйгуров и угрожая китайцам российским царистским переворотом в провинции Синьцзян – предполагаемым призом в этом округе Большой игры»¹⁰. Причины такого отношения англичан к Петровскому вполне понятны. Менее эмоциональный исследователь резюмирует: «Это был Николай Петровский, русский консул, который в течение восьми лет держал англичан вне Синьцзяна»¹¹.

Конечно, представленная книга не закрывает всех вопросов в истории изучения Восточного Туркестана немецкими экспедициями. Показателен один пример. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится пока еще не опубликованный «Дневник Туркестанской экспедиции, снаряженной по Высочайшему повелению Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии» С.Ф. Ольденбурга. Экспедиция работала в Восточном Туркестане в 1909–1910 гг. 15 августа 1909 г. Ольденбург и его спутники осматривали буддийский пещерно-храмовый комплекс в Ушак-тале, недалеко от Урумчи: «Дмитрий Арсеньевич из нас первым отправился, потом Самуил Мартынович; Сергею Федоровичу головокружение не позволило тронуться в пещеру, и описание их будет сделано Дудиным и Смирновым, вместе с планом. Ушак-тал отмечен был только у Huntington'a. Кто были европейцы, посетившие пещеру, мы не знаем, предположительно, что Бартус и фон Лекок»¹².

Немецкие исследователи, как следует из работы К. Дрейер, действительно были в Ушак-тале летом 1906 г. Вот как их работа описывается в рецензируемой книге: «По пути они посетили Ушак-тал, где позднее копал Аурел Стейн, и Грюнведель надеялся обнаружить 30 нетронутых пещер, на которые ему указали китайские солдаты. Однако он был разочарован: кроме какой-то старой русской газеты в пещерах Ушак-тала они не нашли ничего» (с. 196). Вот и получается, что немецкая экспедиция, открывшая, по мнению Ольденбурга, храмовый комплекс в Ушак-тале, уже должна была столкнуться с присутствием русских путешественников. Честь открытия этого памятника так никому и не принадлежит.

В любой рецензии принято говорить о недостатках и пожеланиях, хотя бы *pro forma*. Хотелось бы отметить, что карты в книге очень мелкие (например, на с. 17, Abb. 12; с. 23, Abb. 20; с. 33, Abb. 32; с. 52, Abb. 55 и др.; карту оазиса Куча на с. 140 иначе как крошечной не назовешь); удивительно, но в таком формате опубликованы только карты, ни одна фотография подобным образом не пострадала. Это обстоятельство особенно бросается в глаза, так как книга в целом издана на очень высоком полиграфическом уровне, а иллюстрациям, многие из которых выполнены в цвете, в ней отведено значительное место, часто они занимают целый разворот. Такая «экономия места» на картах в издании, топографическая информация в котором очень обильна, выглядит весьма странно, особенно для тех, кто не знаком глубоко с географией Синьцзяна. В такой книге желательно было бы иметь одну большую карту, возможно даже складную, различные фрагменты которой в увеличенном формате могли бы размещаться в соответствующих разделах книги.

Конечно, хотелось бы видеть более активное использование источников и литературы на русском языке. Российским исследователям было бы очень желательно знать структуру берлинского «Турфанского собрания» в данном аспекте: какие документы из России находятся в нем, в частности,

⁸ Публикацию см. Bukharin 2015, 23.

⁹ Tamm 2013, б/н.

¹⁰ Karber 2015, 128.

¹¹ Hopkirk 1990, 463.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 63.

сохранились ли ответные письма российских коллег немецким исследователям и та или иная официальная документация. К сожалению, подобных сведений в книге нет. Никакой дополнительной инвентаризации, однако, для этого не требуется: переписка за редким исключением велась на немецком языке, который для некоторых российских исследователей – например, для В.В. Радлова – был родным. Так или иначе, история археологического изучения Восточного Туркестана, написанная с использованием только немецких, только российских или еще «только» каких-либо иных источников, будет страдать определенной односторонностью. В данном аспекте книга Карен Дрейер может служить своего рода призывом к объединению усилий российских и немецких исследователей, т.е. к тому, к чему призывали В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург.

Литература / References

- Bukharin, M.D. 2014: [New Documents on the History of Exploration of Eastern Turkestan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 163–183.
Бухарин, М.Д. Новые документы к истории изучения Восточного Туркестана. ВДИ 3, 163–183.
Bukharin, M.D. 2015: “Wissenschaft ist nach meiner Meinung nur ein anderer Ausdruck für Humanität...”. Letters of A. Grünwedel to V.V. Radloff from the Collection of the Archives of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg Branch. *Berliner Indologische Studien*. 22, 7–47.
Hopkirk, P. 1990: *The Great Game. On Secret Service in High Asia*. Oxford.
Karber, Ph. 2015: *Postmarks from a Political Traveler*. New York.
Tamm, E. 2013: *The Horse that Leaps Through Clouds: A Tale of Espionage, the Silk Road, and the Rise of Modern China*. Vancouver–Toronto–Berkley.

Mikhail D. Bukharin
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

М.Д. Бухарин
доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

michabucha@gmail.com

В конце октября 2016 г. в Российской академии наук впервые за пять лет прошли выборы. В Отделении историко-филологических наук были избраны 7 новых академиков, 15 членов-корреспондентов и два иностранных члена РАН.

Среди них и члены редколлегии и редсовета нашего журнала: действительным членом РАН избран Михаил Борисович Пиотровский, членами-корреспондентами РАН – Михаил Дмитриевич Бухарин и Николай Павлович Гринцер, иностранным членом РАН – Герман Парцингер.

Сердечно поздравляем наших глубокоуважаемых коллег с избранием!